

Англия, 1835

Глава I

— Такого просто не может быть!

Леди Мередит Брукшир раздраженно мерила шагами гостиную. В кулаке она крепко сжимала скомканное письмо, доставленное с последней почтой.

— Дай и мне взглянуть, а то ты его сейчас порвешь, — нетерпеливо взмахнув рукой, попросила ее тетушка.

Мередит бросила взгляд на скомканную бумагу и быстро протянула письмо тете с таким видом, словно это была ядовитая змея. Впрочем, погребальный звон и впрямь сейчас звучал в ее сердце.

Нашелся... нашелся *новый* лорд Брукшир. В послании речь не шла о том, где же они его отыскиали, но Мередит не сомневалась — в самое ближайшее время он свалится им на голову, как стервятник, почуявший легкую добычу.

Женщину одолевали мрачные мысли. Несмотря на глубокую убежденность поверенных ее покойного мужа в том, что он давно мертв, они все же развернули бурную деятельность и в конце концов отыскали *нового* лорда. Несносные адвокатишки! Зачем им потребовалось столь скрупулезно следовать букве закона?

Тетушка разгладила скомканный лист бумаги и принялась читать. С каждой секундой недоумение на ее лице все возрастало.

— Дорогая! Разве он не умер?

Мередит продолжала нервно расхаживать по комнате, потирая запястьем лоб в тщетной попытке унять начинающуюся головную боль.

— Если это не бестелесный дух собирается заявиться к нам, то Николас Колфилд все еще жив

и пребывает в совершеннейшем здравии. Он намерен предъявить права на свое наследство.

Женщина замерла на месте, только сейчас в полной мере осознавая все разрушительные последствия появления в ее жизни Николаса Колфилда. Бедность и полное унижений прозябание. Злой рок тяжелым камнем лег ей на грудь.

Колфилд наверняка поспешит избавиться от присутствия в доме вдовы своего сводного брата и немногочисленной родни, живущей с ней под одной крышей. А что дальше? У них нет никого близкого, кто бы согласился приютить их. После смерти Эдмунд ничего не оставил *лично ей*. Не то чтобы Мередит надеялась на это, учитывая, сколь мало заботы и участия он оказывал жене на протяжении долгих лет, однако... Она не предполагала, что ее супруг умрет таким молодым. Ему исполнилось всего-то тридцать пять лет. Во время нечастых встреч Эдмунд казался ей вполне здоровым человеком.

Пальцы на опущенных руках сжались в кулаки.

— Чертов Эдмунд! Разве мужья не выделяют женам долю в наследстве на случай своей непредвиденной смерти?

— Не сквернословь, родная! Не стоит плохо отзываться о покойных, — неодобрительно шикнула на нее тетушка Элеонора. — Сейчас, когда мы тут беседуем, он и так, без сомнения, испытывает адские муки в преисподней.

Мередит едва заметно улыбнулась. Злость совершенно не была свойственна характеру тети. Ноздри тетушки Элеоноры трепетали от презрения.

— Учитывая все те невзгоды, которые он накликал на твою голову, Всевышний едва ли отнесется к нему снисходительно, когда милорд предстанет пред Его очи на Страшном суде.

— Ничего особенно неприятного в моей жизни не было, тетушка. — Ложь слетала с языка Мередит с привычной непринужденностью. — Он не являлся жестоким человеком, никогда меня не обижал, Эдмунд просто... — Женщина запнулась, не находя подходящее слово, наконец, передернув плечиками, она закончила фразу: — Отсутствовал дома.

— И это «отсутствие» затянулось на семь лет! — Тетушка Элеонора никак не желала успокаиваться.

Признаться, Мередит были хорошо знакомы и успели наскучить все эти возмущения тети по поводу жизненной позиции ее племянницы.

— Меня вполне устраивало подобное положение вещей. — И вновь она соврала не задумываясь. *Устраивало?* Если уж начистоту — она просто свыклась со своим одиночеством. — Многие жены были бы только рады избавиться от навязчивого внимания своих мужей.

— А вот лично *мне* твой супруг принес множество неудобств. Взгляни-ка на это ужасное платье! Нельзя плохо отзываться о мертвых, пусть даже у них была столь порочная душа, как у милорда, но я и слова доброго не скажу о нем после того, как нам приходится облачаться в столь уродливые одеяния. — Тетушка с отвращением одернула туго накрахмаленную легкую полушерстяную ткань своего траурного платья. — Я не хочу целый год носить черное, *особенно по нему*. У меня к тому же нет черной шляпки.

Мередит бросила взгляд на свое собственное убранство и нахмурилась. Тетя совершенно права. Ничто не в состоянии украсить платье столь чудовищного вида. Шляпка здесь не поможет.

Тетушка Элеонора окинула племянницу хмурым взглядом.

— Сейчас ты больше похожа на призрак, чем на живого человека. Ты совсем себя загоняла.

Мередит тяжело вздохнула и со скорбным выражением лица дотронулась до щеки. Если не обращать внимания на несносные веснушки, кожа у нее белая словно молоко. С такой кожей — в черном платье или не в черном — она все равно похожа на привидение.

— Мы живем не в столице, а в Эттингеме. Кто нас осудит за сокращение траура, скажем, до трех месяцев? — продолжила излагать свою мысль тетюшка Элеонора, передернув худенькими плечиками. — Все знают, что ваш брак не заладился с самого начала. Никто не станет осуждать нас, если мы немного отойдем от правил.

— У меня был вполне сносный брак.

Мередит сердито уставилась на тетюшку, задетая за живое тем, что о ее несчастье «все знают». Если уж и следует кого-то винить за это, так саму тетюшку Элеонору, которая не преминула пожаловаться на горькую судьбу племянницы всем в Эттингеме, кто согласен был выслушать ее.

— Чушь! Милорд до неприличия пренебрежительно относился к тебе.

— Лишь ты находила его поведение очень уж неприличным, — возразила Мередит, сохраняя стоическую невозмутимость.

Что ни говори, а за прошедшие годы она преуспела в этом. Бывали дни, когда Мередит почти верила, будто годы невнимания со стороны мужа ее нисколечко не задевают. Вот только присутствие тети всегда выводило молодую женщину из душевного равновесия.

— Отвратительно! То, как он оставил тебя здесь, просто отвратительно! — с неумолимостью продолжала настаивать на своем тетушка Элеонора. — Готова поклясться, не этого хотел граф. Быть может, и хорошо, что старый джентльмен не дожил до того дня, когда его сын бросил тебя.

— Не сомневаюсь, что род графа не оборвется, вот только внуки будут от другого его сына...

Мередит тяжело опустила на козетку¹. Руки женщины безвольно повисли.

— Тебе следовало бы родить этих наследников. Если бы Эдмунд был достойным мужем, у тебя сейчас была бы дюжина младенцев. Он даже не вступил с тобой в отношения после брака...

— Прощу тебя! — Мередит подняла руку, останавливая словозлияния тети.

Некоторые воспоминания слишком болезненны, чтобы вслух воскрешать их. Она до сих пор не могла избавиться от горечи той ночи, когда Эдмунд отказался выполнить свой супружеский долг и покинул ее.

— Теперь же нас лишают Оук-Рана, а ведь хозяйство держалось только на тебе. Ты следила за домом, управляла слугами, решала все вопросы с арендаторами, занималась сбором урожая, ведала делами на молочной ферме... — загибая пальцы, принялась перечислять тетушка.

— Знаю... знаю... — перебила ее Мередит. — Как-нибудь обойдусь без напоминаний.

¹ Козетка — двухместный диван или кушетка. (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)

Внезапно выступившие слезы щипали глаза. Женщина заморгала, стараясь не дать им предательски заструиться по ее щекам. Даже узнав, что Николас Колфилд жив и вскорости унаследует все, Мередит сохраняла внешнюю видимость спокойствия. Впрочем, еще один брошенный камень вполне может разбить вдребезги эту стеклянную хрупкость кажущейся невозмутимости.

Оук-Ран стал домом ее сердца. Она сделала его таким. Мередит приказала поменять обстановку особняка. По ее инициативе вокруг старого поместья елизаветинских времен разбили цветущий сад. Женщина не желала потерять Оук-Ран. Она не сдастся без боя. А еще ей приходится думать не только о собственном благе. Надо заботиться о тетушке и об отце. Кроме того, не стоит забывать о Мари и Нелсе. Ради их блага она должна быть сильной и побороться за их общий дом.

— Я не хочу отдавать Оук-Ран, — скрестив руки на груди и обняв себя за плечи, заявила Мередит. — Должен же быть какой-нибудь выход.

— Да, но тебе следует поспешить, — недовольно пробурчала тетушка, в очередной раз без малейшего зазрения совести перекладывая ответственность за собственную судьбу на плечи племянницы. — У нас теперь даже домика приходского священника не осталось. Нам некуда возвращаться.

Мередит тяжело вздохнула. У нее начиналась головная боль.

Тетушка, чья худенькая фигурка напоминала своей хрупкостью мазок кисти художника, встала с расшитой цветочным узором кушетки и подошла к позолоченной каминной полке. Не успела племянница и глазом моргнуть, как родственница схватила оттуда одну из множества хрустальных безделушек, расставленных на полке, и спрятала дорогую вещь себе в карман.

— Тетушка! — предостерегающе обратилась к ней племянница, но не смогла сдержать срывающегося с уст смеха.

Тетя Элеонора широко раскрыла глаза, изображая чистейшую невинность.

— Разве мы теперь не должны сами позаботиться о себе, дорогая?

Тетушка всегда старалась приободрить племянницу. Именно тете пришлось утешать Мередит, когда девушка проснулась на холодном брачном ложе, а резкие слова Эдмунда еще звучали в ее ушах. Тогда Мередит думала, что просто не переживет случившегося.